

Без права жить не по Уставу

Крестьянство Сталин не любил и считал его враждебно настроенным классом. Поэтому для сельской местности он создал то, что сейчас называют «системой советского крепостничества». В 1930 году был сформирован Устав сельхозартели, который в новой редакции был принят на Всесоюзном съезде колхозников-ударников в 1935 году. Согласно этому Уставу земля закреплялась за артелью (колхозом) в бессрочное пользование и не подлежала ни купле, ни аренде. Колхозники, работающие на этой земле, не имели прав ни на землю, ни на продукты, выращенные их руками. Для личного пользования выделялись небольшие приусадебные участки, которые облагались налогом. Устав определял количество скота, которое можно было содержать в личном хозяйстве, к примеру, на семью – 1 корову, 2 головы молодняка, 1 свиноматку и до 10 голов овец. Излишки земли и скота безжалостно отнимались. Оплата труда колхозников производилась натурпродуктами согласно трудовым. Трудовыми назывались дни выхода на работу, которые бригадир отмечал у себя в тетради палочками.

Вся выращенная в колхозе за лето продукция распределялась следующим образом: в первую очередь продавали её государству по твёрдым, чрезвычайно низким, закупочным ценам. При этом нужно было выполнить, а лучше перевыполнить спущенный сверху план. Затем требовалось вернуть государству семенные и прочие ссуды, рассчитаться с МТС за работу механизаторов, засыпать семена и фураж для колхозного скота, создать страховой семенной и фуражный фонд. И только после этого, то, что оставалось, можно было делить среди колхозников в соответствии с количеством трудовых. Оставалось, как правило, очень мало, и поэтому приходилось надеяться только на своё подсобное хозяйство.

Вот, что рассказала Александра Васильевна: «Работали за пустой трудовень. Всё государству сдавали, пшеницу и рожь первого сорта свозили в районный центр. А после отчёта нам давали муки второго сорта, что на себе унесём, – вот и весь заработок. Отец и сестра на железной дороге работали – им давали немного денег! Отец работал на железной дороге, сначала путевым обходчиком, затем мастером. Сестра, на год меня старше, пошла к нему путевым обходчиком. В её обязанности входило пройти с молотком и ключом 6 километров и по дороге смотреть, не лопнули ли где рельсы. Иногда её смена была с 10 часов вечера до 10 утра – и она, порой в мороз, ночью пешком шла по лесу. Это в её-то 15 лет... Им на железной дороге выделили участок под сенокос. Ну вот, мы сено косим, а там – где малинка, где самовар поставит, в самовар-то и бросит. Такой чай мы пили, чёрного чаю, как сейчас, отродясь не видели. И сахара у нас не было. Свеклу сахарную сушили, да с чаем пили. Конфеты редко когда в магазин привезут, а они все потёкшие».

Я спрашиваю: «Вам тогда было по 14-15 лет. О чём вы мечтали?»

«Считали, что всю жизнь вот так работать будем», – отвечает она.

Отношение государства к крестьянам проявилось и в паспортной системе. Понимая, что в каторжных условиях люди работать не захотят, правительство поставило задачу – «держать и не пущать».

С середины 20-х годов, человек, не имеющий советского паспорта, мог быть арестован и выслан на принудительные работы. При этом паспорта выдавались в районном отделении милиции всем, кроме бывших заключённых и кроме... крестьян. Таким образом, сельчанам выдавались только по собственному желанию после 16 лет уехать в город на учёбу или на работу. Паспорта, а точнее приписные бумаги, сельчанам выдавались только в отдельных случаях (например, при выезде на

сезонные работы, на выставки ВДНХ). Так продолжалось фактически вплоть до 1976 года, когда были введены паспорта нового образца, которые обязаны были иметь все без исключения граждане СССР, достигшие 16-летнего возраста.

Фашисты заняли весь дом...

Александра Васильевна продолжает свой рассказ, она вспоминает войну:

«У нас в деревне только у учительницы было радио. В июне 41-го она на улице объявила, что началась война. А что немцы близко от нас – мы не знали. Однажды работали на полях, вдруг смотрим, едут они – все на мотоциклах по двое, мотоциклы с люльками. Хлеб был убран – пшеница и рожь в скирдах стояли, они подожгли скирды. Так началась оккупация. Сначала немцы проехали по домам, увидели, что в деревне нет военных, а в октябре уже к нам заселились. У нас в избе жили своих шестеро детей, мама с отцом, мамин брат, его жена и их дети. Младший брат только родился в 1941 году. Так мама напарила тыквы, скамьи тыквой измазала, думала, что немцы подумают, что это «детское», и не захотят у нас жить. А они заставили всё убрать и 9 человек к нам заселили. Немцы заняли весь дом, а мы, 16 человек, в одной комнате в закутке ютились. Начали они хамить, то есть отбирать все, что можно: у кого поросят, у кого курей с насеста снимали. У матери сундук был (там она хранила холстину) – открыли сундук, стали холстину на ноги наворачивать поверх сапог – порвали её, порезали. К женщинам молодым приставали. Мне 16 лет было, так мать меня платком по самые глаза повязывала, и я ходила, как старушонка. А потом, когда старосту выбрали, они уже так хамить перестали. Зато каждое утро гоняли нас на работу. Однажды собрали всех жителей села, и детей тоже, и погнали по полю. Фашисты хотели проверить, не заминировано ли поле, взорвёмся мы или нет. А мы знали, что поле не заминировано, потому что у нас леса не было, партизан не было... Потом деревню бомбили. Деревня находилась в полукилометре от железнодорожной станции, и, когда бомбили железную дорогу, в железную дорогу не попадало, а попадало в наши дома. Мы, как только бомбёжка начиналась, все сбегались в один кирпичный дом. Мать вставала на пороге и кричала: «Ой, бабы, опять бомбу бросили!»... А через три месяца пришли наши, в пять утра начался бой – только пули стучали по стенке. Днём мать напекла хлеба, отец стал у стола и начал резать. Вбегает солдатик: «Дайте поесть». Отец дал отрезанный кусок. Потом другие забегают. Хлеб возьмут и бегут дальше. Отец раздал все 5 буханок. Мать говорит: «Вась, что ты наделал, ребят чем кормить?» Он говорит: «Солдатки тоже есть хотят. Им воевать надо, а мы как-нибудь обойдемся»...

Тем, кто говорит, что при немцах мы могли бы неплохо жить, не верьте – оккупацию Александра Васильевна считает самым страшным периодом в своей нелёгкой жизни... Когда немцев отогнали, для Мариных началась, так сказать, эвакуация. Всех жителей деревни отправили за 12 километров от дома ремонтировать железную дорогу. Несколько раз мать приходила проводить дом. В нём проживали красноармейцы. Печь топили неосторожно, в избе курили. Мать говаривала: «Сынки, вы же мне дом спалите». Они отвечали: «Не бойся, мамка, не спалим». Но вернулась семья на пожарище. Сначала пожгли в шалаше, но шалаш не спасал детей ни от дождя, ни от холода. Стали скитаться по соседям – кто пустит, а кто и выгонит.

После войны снова образовался колхоз, и мать определилась в него ухаживать за овцами, за это ей разрешили жить возле овец в сторожке.

Одна такая сторожка была предназначена для отёла овец, в другой поселилась многодетная семья. В сторожке – одна комната. Спали друг подле друга – вся одежда, какая была, – под головами. Мама не выдержала непосильного труда –

заболела. Александра подозревает, что у неё был рак, но тогда никто не смог поставить диагноз. И в этот момент советское государство решило многодетную мать... судить. За то, что не выработала необходимого количества трудовых.

В предвоенные, военные и послевоенные времена основную массу заключённых в стране составляли осуждённые «за колоски». Например, согласно статьям 2 и 4 Указа от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», за попытку вынести с поля немного зёрен, выращенных собственными руками, чтобы не умереть с голода, предполагалась уголовная ответственность. За то, что не было выработано назначенное количество трудовых, предполагалась административная ответственность. Простротившихся работников выгоняли из колхозов (без паспортов) и отнимали у них приусадебные участки, то есть обрекали на голодную смерть. При этом официально было объявлено, что минимум трудовой составляет от 60 до 100 на каждого трудоспособного колхозника, на самом деле на местах эта цифра сильно завышалась. Так, А.В. Маринина уверяет, что после войны с них требовали по 300 трудовых в год.

И за мать, и за отца

«Я говорила бригадиру: «Пишите на маму мои трудовни, я свои уже выработала». А он мне отвечал: «Не имеем права». И вот нас вызвали на суд, а до суда идти 10 километров. Мама тогда ничего не ела и в 40 лет выглядела как старуха. Пришли, увидела нас судья и говорит: «Это вашего председателя надо судить за то, что он такую больную женщину 10 километров идти заставил».

Когда мать скончалась, самому младшему брату было 6 лет. Через год погиб отец. Попал под поезд, когда шёл по железной дороге домой. Он только что получил зарплату и хотел принести детшкам денег к празднику. Остались братья и сёстры на плечах у Александры. У её матери всего было 12 детей. Пятеро умерло в раннем возрасте. Из оставшихся в живых Александра была третьим ребёнком. Двое старших на тот момент жили самостоятельно жизнью. Одна из младших сестёр тоже успела выйти замуж. Александре довелось поднимать и выводить в люди троих младшеньких. Самой ей, когда они осиротели, было 22 года. Однажды пришёл к ней сосед – дядя Ваня и сказал: «Девка, я в сельсовете договорился – твоих детей отправят в детдом». Дети услышали, перепугались, заплакали, из-под стола не выходят.

Для русских крестьян семья имела первостепенное значение. Отказаться от детей считалось постыдным грехом. И не мог русский человек бросить беспомощных братьев, сестёр, родителей – всех тащили на себе, пока хватало сил.

Так и захили. На детей получала Александра Васильевна 275 рублей пенсии – это были небольшие деньги – корова 1000 рублей стоила. Александра Васильевна рассказывает, что больше всего в то время крестьяне страдали от налога на приусадебное хозяйство: «Государство требовало с каждого двора в год сдать по 40 килограммов мяса, 50 штук яиц (держишь, не содержишь – всё равно сдай), килограмм шерсти и 300 литров молока. И вот от коровы-кормилицы... и утреннее молоко соберёшь, и вечернее соберёшь, чтобы продать, какую-то копейку заработать и купить мяса государству. Мы хлеба пшеничного не ели тогда – всё на картошке сидели. Картошки отваришь, натолчёшь, сырой картошки натрёшь, всё в мешке смешаешь – это мука. Из неё хлеб делали. Это считалось хорошо – мы не голодали. А ещё бывало – бабы косят, до конца поля дойдут, а там упадут и лёжа макушки у клевера сосут, чтобы силы появились. Я работала бригадиром в животноводстве. Везла в районный центр молоко на лошади – государству сдавать. Сама фляги на телегу грузила – труд был адский. У нас ведь сколько мужиков ушли на фронт – ни один не вернулся... Дети позаканчивали по 7 классов – и на работу».

А ещё глава семейства – Александра – умиралась телку продать и купить аллодома...

Место притяжения— Красная Горка

После смерти Сталина политика государства по отношению к колхозам изменилась. Запретили исключать работников из колхозов, отменили налоги на выплаты по трудовым, был уменьшен налог на приусадебные участки. Устав сельхозартели 1956 года разрешал колхозникам самим определять размеры приусадебных участков, количество скота в личном пользовании, изменились принципы оплаты труда – вводилось ежемесячное авансирование, а с 1996 года – гарантированная оплата труда...

Почувствовав оттепель, Александра написала заявление с просьбой выйти из колхоза. На тот момент её старший брат – Василий Васильевич Маринин – работал председателем сельсовета «Красная горка», который располагался в посёлке Колтуши. Он написал ей, что здесь более хорошие условия для работы. Председатель Берёзовского сельсовета сначала Александру Маринину не отпускал. Созвал общее собрание, но бабы пожалели её. «Что вы держите девку с детьми? – шумели они. – Отпустите, может, жизнь повидает?» Выдали ей в первый раз в жизни паспорт, и в 1956 году Александра оказалась во Всеволожском районе. Её жизнь изменилась к лучшему, зарплату стала получать деньгами, приделась, получила от совхоза комнату в деревне Куйворы. И все силы выкладывала, чтобы снова сдать государству план, прокормить население огромной страны.

«Деревня наша была красивая, ухоженная – вся в сирени. Сейчас всё травой поросло, – показывает она вдаль, – а тогда это были поля. Выращивали морковь, капусту, овёс, вику. Я в Берёзовском колхозе отработала 16 лет и здесь, в Красной Горке, 23 года. Потом ещё работала 9 лет на фабрике и получила звание «Ветеран труда», также дали мне звание «Труженик тыла».

Выросли её братья, отслужили армию и вернулись к ней, в Красную Горку. Она же им была и сестра, и мать. Поженились братья, сёстры, нарожали детей и всех их куда – опять к ней. Она им стала и тётя, и бабушка. Бывало, отпуск брала, чтобы за маленькими племянниками посмотреть. Коз, курей, свиней держала, чтобы деток подкармливать. Ягоды с огорода на Ладожский рынок возила, чтобы деньгами племянникам помочь. Смеётся: «Спали мы на ходу – спать тогда не хотелось». Замуж не вышла, своих детей не родила – молодость братьям и сёстрам посвятила. Позже стала постаревшим сродникам вместо сиделки, одного за другим уже четверых похоронила («они все тяжело болели, ухаживать приходилось»). Никого не бросила, никого без внимания не оставила. Такое у неё было «простонародное» воспитание.

Сейчас Александра Васильевна живёт в коммунальной квартире в совхозном ветхом деревянном доме. При помощи племянников обрабатывает свои 20 соток земли. Как рассказала её соседка А.Т. Федотова: «У неё если что выращено, так всё это высшего качества. Если она что-то наметила – то обязательно сделает, несмотря на свои два микроинсульта. Это поколение было такое, они знают одно слово: НАДО. И при этом я никогда не слышала, чтобы она на что-либо жаловалась, просила помощи у местных властей. Всегда надеется только на себя. Добрая очень – бездомных собак, кошек подкормит, приласкает. Россия выжила после войны только благодаря тому, что у нас были такие женщины»...

Дорогие земляки, присмотритесь, рядом с кем вы живёте. И скажите спасибо таким людям, как Александра Васильевна. Ведь на них земля наша держится.

Людмила ОДНОБОКОВА
Фото автора